семасиологией языка науки о литературе. Насколько могу предполагать, такие занятия окажутся вскоре понятыми не как что-либо только дополняющее то главное, чем будто бы занята теория, не как что-либо вспомогательное в отношении к этому главному, но как *главное.* Судя по аналогиям (философия), так это и должно происходить в науке, которая *в самом существенном отношении перелагает себя в свою историю.* Основные слова истории знания и науки о литературе, по всей видимости, постепенно становятся *одним из основных* источников наших знаний. Это относится, безусловно, *не* только к науке о литературе.

Реальное состояние нашего знания *слов науки* находится в *самом вопиющем противоречии* с внутренней, постепенно осознаваемой потребностью самой науки. Например, об особой глубине проникновения в сущность *диалога* в сочинениях пишущих на эту тему должны свидетельствовать выдуманные ими слова — «триалог» и «полилог».

Не будем сейчас говорить о частных проблемах, сколь бы крупны ни были они *в* себе; наш взгляд на них, то, что мы можем, что мы будем о них думать, зависит от того, *как* осмыслим мы заново сущность нашей науки.

Существует, например, проблема *литературного жанра,* которая ощущается как ждущая своего нового решения. Однако и о литературном жанре можно говорить, имея хотя бы нечто подобное заготовкам, относящимся к наиболее общим проблемам. Ведь в качестве практического вывода мы ничего не в состоянии сказать о литературных жанрах, как функционировали они, например, в русской литературе середины XIX в. или в немецкой конца XVIII в., т. е. в наиболее близких к нам и, казалось бы, наиболее освоенных нашим сознанием областях истории литературы (хотя это *уже* не так!). Мы не можем сказать об этом ничего основательного, если не обладаем таким представлением о жанрах, какое сложилось бы у нас на основе опыта общения с самыми разными отрезками истории литературы. Однако вместе с тем такое общение непременно должно вывести нас за пределы «литературы», понимаемой хоть сколько-нибудь статически, и, сверх того, обязано обратить вновь к истории самих слов, какими пользуется «теория» жанра. Эта область науки о литературе, где «теоретизирование вообще» совершенно невозможно и губительно для самой теории и инерция мысли наиболее ощутима. Здесь необходимы и знание максимально возможного числа разнообразных историко-литературных ситуаций, и та *само*критичность исследователя, которая именно сейчас оказывается необходимым предварительным условием успешной работы и которой, естественно, как правило, нам не достает.

Не стоит останавливаться сейчас на проблемах методов литературоведения. По мере углубления в ту сферу, которую мы назвали *основаниями* науки о литературе, будет, по всей видимости, проясняться, что сегодняшнее многообразие «методов» — дело условное и преходящее (хотя, конечно, и в этих «методах» отражение истинности-адекватности отношения к истории). При обдумывании сути науки о литературе, при ее осмыслении и по мере такого осмысления методы, наверное, будут отодвигаться от нас в область сугубо исторической относительности и необязательности.

Не будем касаться сейчас и проблемы «произведения литературы», так как это одна из значительного числа *очень больших* проблем, которых — только *очень* больших — уже *очень* много. Иногда они рассматриваются в нашей науке по отдельности, и о них пытаются рассуждать по отдельности, и решать их по отдельности. Такие проблемы и выплывают в науке на поверхность постольку, поскольку в них, в их осознаваемой колоссальности, необъятности обнаруживает себя внутренняя потребность науки в переустройстве-переосмыслении. Однако такие громадные проблемы нельзя решать по отдельности — они более всего нуждаются в самоосмыслении науки, в ее новой позиции в отношении самой себя. Конечно, от этого они не становятся проще или обозримее, однако обретают *под* собой и *за* собой некоторый образ твердости.